

Чэнь Ань вставил словечко:

— Велели сесть — так садись. Он ведь не против, чего ты ломаешься? Будешь выпивать?

С этими словами он налил бокал вина.

Сяо Сун с замиранием сердца опустился рядом с Цзи Чаннином и тихо поприветствовал его.

Цзи Чаннин мысленно восхитился: вот уж кто действительно свеж донельзя, совсем юнец. Бросив взгляд на высокий бокал с красным вином, он внутренне насторожился:

— Ты совершеннолетний? Не хочешь заменить вино соком?

Сяо Сун замахал головой, как игрушечная погремушка:

— Н-нет, не нужно беспокоиться, мне уже девятнадцать.

Цзи Чаннин:

— Ого, ни за что бы не сказал. Чэнь Ань легко фыркнул:

— Мы ведём дела честно и детский труд не используем.

Цзи Чаннин придвинулся поближе и с неподдельным любопытством принялся завязывать разговор:

— Давно в этой сфере?

Сяо Сун слегка заикался:

— Сегодня пришёл первый день, то есть нет, я не то имел в виду...

Он хотел сказать, что не продаётся, но явился сюда именно ради того, чтобы забраться в постель к Шэнь Ичэню.

Цзи Чаннин задумался:

— Всё ещё учишься?

Сяо Сун:

— Учусь, на втором курсе, актёрский факультет...

Тут и Цзи Чаннин, и Чэнь Ань всё поняли: этот парень — не человек Шанцзина.

Если расспрашивать дальше, эти двое вывернут наизнанку всю подноготную Сяо Суна.

Проще говоря, за Сяо Суном не стояло никаких влиятельных покровителей, но он страстно желал стать актёром и прославиться, поэтому кто-то подсказал ему прийти сюда.

Власть и влияние — поистине великая вещь, к которой толпами стремятся люди. Шэнь Ичэню не нужно было делать первый шаг, толпы желающих сами набивались в дверь. Иногда Цзи Чаннину хотелось сказать Шэнь Ичэню: «Какой же ты дурак, неужели возомнил себя всеобщим любимцем? Другие просто польстились на твои деньги и хотят, чтобы ты дал им ресурсы и раскрутил».

Вот только он сам меньше всего имел право говорить такое, ведь он и сам крутился здесь ради денег.

Самый заботливый

Когда Цзи Чаннин покидал Шанцзин, на улице вовсю завывал свирепый ветер. Внутри здания холода почти не чувствовалось, но стоило выйти за порог, как его пробрала дрожь. Водитель ждал его уже полчаса; заметив появление пассажира, он услужливо распахнул дверцу, прибавил печку и, заметив покрасневшееся лицо Цзи Чаннина, участливо спросил:

— Господин Цзи, вы хорошо себя чувствуете? Не приготовить ли вам пакет?

— Мм, я в порядке, поехали.

Цзи Чаннин помассировал виски, достал из кармашка на спинке сиденья пачку молочных мягких ирисок, подряд развернул три штуки, закинул в рот и принялся жевать. Немножко сдавленным голосом он произнёс:

— Да, и открой окно, пусть проветрится.

С улицы пахнуло пронизывающим холодным ветром, растрепав волосы Цзи Чаннина в полном беспорядке, зато его пылающие щеки немного остыли. Впрочем, вскоре он сам не выдержал и поднял стекло обратно.

Машина шла очень плавно, в салоне играла мягкая, успокаивающая фортепианная музыка. Цзи Чаннин начал засыпать и сквозь дремоту услышал, как водитель зовет его — мол, приехали. Его затуманенный мозг недоумленно забился: как это так быстро, мы же только тронулись?

Услышав шум, управляющий вышел из дома встречать гостя. Ещё быстрее него среагировала домашняя собака по кличке Дабай: она стрелой вылетела со двора и бросилась прямо на Цзи Чаннина. Подпрыгнув, пёс уперся передними лапами ему в грудь, отчего Цзи Чаннин отшатнулся назад и с размаху врехнулся спиной о стоявшую позади машину, издав на месте испуганный возглас.

— Ох ты ж, скотина ты этакая!

Управляющий бросился вперед и, видя, что Цзи Чаннин едва держится на ногах, тут же подхватил его под руку.

Цзи Чаннин поднялся, со стоном втягивая воздух. Столкновение с Дабаем мгновенно привело его в чувство.

Он обнял прильнувшего к нему крупного пса и принялся гладить его по голове:

— Когда же ты наконец станешь таким же степенным, как Сяоми? Нужно быть элегантной и благовоспитанной собакой.

Черт побери, кто вообще требует от собаки элегантности и благовоспитанности?

Под упомянутым Сяоми подразумевался чёрно-бурый полосатый кот. Несколько лет назад зимним днём он залез под капот автомобиля Цзи Чаннина погреться, и тот подобрал его домой. Видимо, сказалось бродячее прошлое: кот не жаловал людей и никому, кроме Цзи Чаннина, не позволял себя брать на руки. Он появлялся исключительно во время кормёжки, а целыми днями пропадал неизвестно где.

Уловив исходивший от него запах алкоголя, управляющий нахмурился:

— Сколько же вы выпили? Ой, идите медленнее.

Он неотступно следовал за Цзи Чаннином, готовый в любой момент подхвать его, если тот оступится. У его ног скулил Дабай. Тётушка Ван уже вынесла из кухни пиалу с отрезвляющим супом; в воздухе тут же разлился свежий аромат цедры мандарина, выдававший, что угощение было заготовлено заранее.

Цзи Чаннину стало немного совестно — тревожить людей среди ночи было неловко. Он послушно выпил отрезвляющий суп до последней капли и сказал:

— Идите скорее отдыхать, со мной правда всё в порядке, я выпил совсем чуть-чуть.

Видя, что он говорит членораздельно, а взгляд его ясен, домашние наконец успокоились. Сделав ещё несколько напутственных замечаний, на которые Цзи Чаннин лишь рассеянно угукал, он всех отпустил. После этого он с ног до головы изгладил пса, устроившегося у него на коленях, бормоча под нос:

— Всё, всё, время спать, иди давай играй сам по себе.

Дабай бросил на него полный тоски взгляд и, то и дело оглядываясь, послушно поплёлся к своей подстилке.

Цзи Чаннин поспешно направился в ванную, на ходу сбрасывая пальто и мысленно морщась от въевшегося в одежду запаха — смесь алкоголя, духов и сигарет казалась омерзительной, вдобавок всё тело было покрыто собачьей шерстью.

Он снял кольцо и часы, небрежно бросив их на полочку в ванной. На самом деле он не любил носить украшения и аксессуары, чувствуя себя связанным, но существовало поверье, что человека красят одежды, так что приходилось чем-то подчёркивать свой статус, чтобы окружающие не смели смотреть свысока.

Приняв душ, он завернулся в банный халат и, почистив зубы и умывшись, улыбнулся своему отражению в зеркале:

— Ого, а хорош, настоящий красавчик.

Сполоснув изо рта пену, он придвинулся вплотную к зеркалу, внимательно разглядывая лицо: когда он не улыбался, ничего не было заметно, но стоило улыбнуться — у внешних уголков глаз проступали мелкие морщинки.

— Боже мой, годы никого не щадят, — пробормотал он про себя, вспомнив и Сяо Суна, и самого себя в прошлом. Когда он только встретил Шэнь Ичэня, ему тоже было восемнадцать-девятнадцать лет, а в мгновение ока он превратился в человека зрелого возраста.

Мудрые говорят, что к тридцати годам человек должен прочно стоять на ногах, а он так ничего и не добился, лишь научился путаться в сложных отношениях с мужчиной.

Но разве это имеет значение? Серость и посредственность — удел большинства людей, откуда взяться такому числу тех, чья жизнь бьет ключом и полна ярких событий?

Он состроил зеркалу пару рожиц, искривив лицо — всё равно никто не увидит.

Перед сном он заглянул в телефон: Чэнь Ань прислал ему два видеофайла, подписав, что это учебные материалы и ему стоит поучиться. Цзи Чаннин приподнял брови и запустил видео. Очень быстро он понял, что на записях запечатлено то самое зрелище, которое они видели в Шанцзине. Подумав немного, он не стал закрывать ролик — ему захотелось собственными глазами взглянуть, какие ещё новые фокусы придумали эти прелестники.

<http://bllate.org/book/26537/3176804>